

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Русско-Византийская Комиссия. *Glossarium Graecitatis*.

Среди задач, поставленных Комиссии «Константин Порфирородный», дополнение греческого словаря Дюканжа занимало одно из видных мест, а с конца 1922 года стало в центре внимания председателя Комиссии. Сообщение академика П. Г. Виноградова об учреждении Международным Союзом Академий особой комиссии для переиздания глоссария Дюканжа послужило ближайшим поводом к тому, чтобы вопрос о греческом глоссарии Дюканжа получил совершенно новую постановку.

14 февраля 1923 г. академик Ф. И. Успенский выступил в заседании ОИФ АН с следующим заявлением:

«Отделение поручило мне выяснить вопрос о составе Комиссии, имеющей заняться изготовлением и обработкой материала для нового издания словаря Дюканжа — в согласии с международным научным предприятием Союза Академий. Из тех указаний, какие были сделаны в прошедшем заседании по отношению к составу предполагаемой к организации Комиссии, выяснилось одно очень важное обстоятельство по отношению к задаче, преследуемой Союзом Академий. Не может быть сомнения, что речь идет не о словаре латинского языка, а что вновь поднят вопрос о переиздании словаря *graecitatis*, предприятию, которое подвергается обсуждению европейских университетских и академических сфер уже около сотни лет, со времени Тафеля, Муллаха, Газе и их современников. На переиздание этой работы знаменитого патриарха византистики всегда смотрели, как на задачу весьма важную и вместе сложную, которая может быть исполнена лишь путем ассоциации, т. е. соглашения разных ученых учреждений участвовать в коллективной работе. Много раз проект, уже вполне готовый к осуществлению, не доходил до исполнения вследствие случайных обстоятельств. С тех пор как занятия Византией в России обратили на себя внимание западно-европейских ученых, эти последние, прямо или косвенно, начали указывать на необходимость привлечь русских к совместной работе по словарю Дюканжа. При этом выставлялась на вид близкая связь русской истории с византийской, в особенности же густо подчеркивалось то обстоятельство, что в России находится не одна тысяча или

неизданных или малоизвестных рукописей, и что, кроме того, тот десяток тысяч рукописей, который находится на Афоне, никому кроме русских не может быть более доступен и легче изучен. Вследствие этого, участие Российской Академии Наук в деле изготовления материала для словаря Дюканжа всегда признавалось желательным и, для успеха дела, необходимым. Могу присовокупить, не стесняясь даже выражением утверждения, что без участия русских сотрудников работа по переизданию словаря Дюканжа не может быть произведена в той полноте и соответствии с современным научным движением в византистике, какая бы согласовалась с достоинством Союза Академий. В доказательство сошлюсь хотя бы на те страницы (р. 82—83) из книги Диля *Études byzantines* (1905), где автор, давая отчет о темах, развиваемых в византистике единственно в русской литературе, выражает сожаление, что эти работы, как написанные на русском языке и недоступные большинству западных ученых, не могут быть использованы в Европе. Таким образом, что касается реальной почвы, на которой бы русская наука приняла участие в совместной с западно-европейскими учеными работе, то такая почва намечается совершенно ясно: наше участие будет выражаться в обработке для Словаря тех специальных областей и отделов изучения, которые по господствующему мнению составляют особенность русских работ. Если бы Академия примкнула к проектируемому Союзом Академий большому научному предприятию, то мне бы оставалось, хотя в общих чертах, наметить те исключительно богатые ресурсы, в обладании коих мы давно уже находимся. Прежде всего, в Комиссии «Константин Порфирородный» собран, между прочим, обильный словарный материал, который может лечь в основание русской доли взноса в подготовку к переизданию словаря. Затем, не говоря о работах по византийской истории, выдвинувших новые требования и запросы, новые факты быта, администрации и социальной жизни, при чем оказалось масса новых терминов, требующих объяснений, мы имеем громадный словарный материал в обработке византийских древностей и искусства, в изучении рукописей славяно-русских, переведенных с греческого, наконец, в работах наших востоковедов, нередко занимающихся византийскими темами. Словом, если мобилизовать те силы, которые в настоящее время находятся в пределах досягаемости, то я бы не опасался признать, что Академия могла бы смело выступить в почетное сотрудничество по словарю Дюканжа с Союзом Академий.

В состав Комиссии для предварительных работ по переизданию словаря Дюканжа, по мнению академика Ф. И. Успенского, представлялось бы желательным привлечь академиков С. Ф. Ольденбурга и В. М. Истрина и профессоров Д. В. Айдалова, В. Н. Бенешевича, В. Е. Вальденберга, А. А. Васильева, С. А. Жебелева и И. И. Соколова.

Положено: утвердить Комиссию в указанном составе, о чем уведомить академика Ф. И. Успенского и просить его принять в этой Комиссии председательствование, сообщив об этом постановлении также академику П. Г. Виноградову.

Очень скоро выяснилось, что Международный Союз Академий взял на себя обработку латинского глоссария Дюканжа, и таким образом новая Комиссия оказалась перед очень трудной задачей, объем и характер которой на первом же заседании 11 апреля 1923 г. были ясно формулированы членами Комиссии в том смысле, что в деле обработки греческого глоссария русским ученым по всем основаниям должны принадлежать инициатива и вполне самостоятельное участие в выполнении задачи, так как для этого у них имеется свой и очень хороший материал; в частности греко-славянские и греко-восточные отношения, проблемы экономического и социального быта Византии, византийские древности и памятники византийского искусства и права, религиозные отношения греко-восточного общества относятся к вопросам, наиболее глубоко исследовавшимся в русской византологической литературе. Но надлежит, с одной стороны, привлечь к работе Комиссии и других русских ученых (например, проф. С. И. Соболевского, М. Н. Крашенинникова, Н. И. Новосадского), а с другой, войти в сношения с заграничными Академиями и учеными учреждениями и, в частности, с основанной в 1908 году в Афинах Комиссией по изданию исторического греческого словаря. Самая же работа Комиссии должна бы в первую очередь ставить своей задачей дополнение глоссария в той или иной специальной области соответственно силам и составу членов Комиссии. В заключение первым заседанием вынесена была резолюция: «1) Признать переиздание греческого словаря Дюканжа делом существенно необходимым и неотложным, но во всем объеме выполнимым лишь совокупными усилиями русских и иностранных ученых учреждений, 2) просить АН оказать Комиссии содействие в выполнении ее задачи посредством открытия своих изданий для печатания работ Комиссии».

На втором заседании 3 мая 1923 года решено было образовать для ведения текущей работы и для выработки программы работ Комиссии бюро в составе академика Ф. И. Успенского и проф. В. Н. Бенешевича, С. А. Жебелева, И. И. Соколова, а также присоединить к новой Комиссии прежнюю — «Константин Порфирородный». — и дать ей обозначение «Русско-Византийская Историко-Словарная Комиссия» (ИАН, 1923, стр. 504—505). Очень оживленно обсуждался вопрос о том, какие внешние хронологические грани следует поставить для привлекаемых к делу материалов: эпоха Константина в качестве начального пункта сомнений не возбуждала, в качестве же конечного, решено остановиться на 1821 г.

В выяснению вопроса о методах и объеме работы над словарем Дюканжа был посвящен в четвертом заседании 15 октября 1923 г. доклад профессора В. Н. Бенешевича «О работе по переизданию словаря средневековой латыни Дюканжа применительно к вопросу о переиздании его же *Glossarium graecitatis*». Основная мысль доклада та, что следует начать именно с переиздания греческого словаря, очистивши его от массы всякого рода недостатков и дополнив материалами из немногих, но важных и систематически подобранных памятников, с применением современных

методов работы. Этот труд должен бы быть поручен небольшой группе лиц и выполнен в течение 3—4 лет. Конечно, не следовало бы и мечтать, что это переиздание греческого Дюканжа сразу будет соответствовать тому виду, какой имеет латинский Дюканж в издании Фавра сравнительно с первоначальным своим видом; но переход от него к коренной и полной переработке был бы, пожалуй, даже легче, чем от издания Фавра к проектируемому Международным Союзом Академий *Dictionnaire du latin médiéval*. Предложение профессора В. Н. Бенешевича не имело успеха потому, что нет никакой возможности его осуществить параллельно с работой Комиссии, которая уже твердо наметила линию своего поведения. И со стороны докладчика было большой ошибкой то, что он только много времени спустя, в 15 заседании 10 мая 1925 года сообщил свои наблюдения: «К вопросу о методах работы Дюканжа над *Glossarium graecitatis*», где как раз и были сгруппированы в цельную картину как недостатки работы Дюканжа, так и причины, обусловившие их появление.

Резолюция четвертого заседания 15 октября 1923 г. наметила ряд очень существенных пунктов для дальнейшей организации работы, решив: 1) избрать подкомиссию (В. Н. Бенешевич, С. А. Жебелев, А. И. Малеин) для выработки формы карточки для извлечения словарного материала, 2) ходатайствовать перед АН о предоставлении в распоряжение Комиссии средств на выполнение канцелярской и технической работы и возможности печатать ее труды в особом специальном издании. АН разрешила 17 октября 1923 г. (ИАН, 508) публикацию работ в одном из Академических изданий или в специальном приложении к «Византийскому Временнику» (подтверждение 31 октября 1923 г.) и уже на ноябрь 1923 г. отпустила на расходы Комиссии некоторую сумму. Практического, непосредственного значения такое решение вопроса иметь не могло, так как сам «Византийский Временник» еще не существовал, а отпущенная сумма, вследствие незначительности своей, ни на что пригодиться не могла. Очень важно было, однако, принципиальное признание Академией справедливости ходатайства Комиссии и проявление готовности оказать ей помощь. Комиссии надлежало только напоминать о своих нуждах, что она и начала делать со следующего же (5-го) заседания 19 ноября 1923 г. (ИАН, 513), присоединивши еще просьбу об отводе ей особого помещения, хотя еще 5 июня 1923 г. Академия известила об отсутствии у нее возможности предоставить такое помещение. И до настоящего времени Комиссия не получила себе ни помещения, ни штатного пособия наравне с некоторыми другими Комиссиями Академии. В самое последнее время вопрос о помещении приблизился к благоприятному разрешению, так как сначала Президиум АН 23 апреля 1926 г. постановил просить АК предоставить РВК необходимое ей помещение в доме № 2-а по Тучковой наб., а в мае отвел особую комнату.

К указанным неблагоприятным внешним условиям для организационной работы присоединилась еще невозможность в течении долгого вре-

мени узнать что-либо поточнее о работах как над *Dictionnaire du latin médiéval*, так и над *Ἱστορικὸν Λεξικὸν τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης*. Наконец, стали получаться *Comptes-rendus* общих собраний Комитета Международного Союза Академий (за 1923 и 1925 гг., пропущен 1924 г.), и от председателя Афинского Комитета по изданию «Исторического словаря» проф. Хаджидаки получено чрезвычайно любезное письмо с инструкцией для ведения работы, образцами карточек и разъяснениями о характере и методах работы.

На основании этих материалов и некоторых литературных указаний делались доклады в Комиссии о *Dictionnaire du latin médiéval*. проф. В. Н. Венешевичем (в заседаниях 15 октября 1923 г., 23 января и 25 сентября 1925 г.) и об Афинском словаре проф. И. И. Соколовым (в заседании 14 мая 1925 г.). Но о получении *Archivum latinitatis medii aevi* и *Bulletin Du-Cange*, а также *Λεξικογραφικὸν Ἀρχεῖον τῆς Μέσης καὶ Νέας Ἑλληνικῆς* Комиссии приходилось только не терять надежды и хлопотать. Деловые сношения с границей по работе над подготовкой переиздания греческого словаря Дюканжа не могли при таких условиях наладиться.

Крайняя затруднительность положения Комиссии заставила академика Ф. И. Успенского 22 октября 1924 г. обратиться в Академию со следующим заявлением:

«Вступая во второй год своего существования, Русско-Византийская Историко-Словарная Комиссия в отношении главного предмета своих занятий находится в крайне тягостном положении. О задуманном Академией Наук переиздании *Glossarium graecitatis* Дюканжа уже стало известно европейскому ученому миру; эта весть вызвала радость как потому, что она отвечает давно и остро ощущаемой научной потребности, так и потому, что она является признаком жизни в той области русской научной мысли, в создании которой России принадлежит одно из почетных мест, но которую начали считать уже погибшей именно в России и именно в такое время, когда эта область во всей Европе пользуется особым вниманием и успехом. За год времени начатое в Европе аналогичное предприятие по переизданию латинского словаря приступило к изданию собственного журнала *Bulletin Du-Cange* и подвинулось настолько, что уже собираются средства для издания первого тома. А Русско-Византийская Комиссия за год добросовестной и напряженной работы ничего не сделала, так как ничего не напечатала. Поэтому Русско-Византийская Комиссия не смогла подготовить данных для проявления и обоснования со стороны АН той инициативы, которой теперь в Европе от нас ожидают. Допустим даже, что в наших условиях жизни год не представляется столь же значительным промежутком времени, как на Западе. Все-таки есть в деле, порученном Русско-Византийской Комиссии, еще одна сторона чрезвычайной важности. Ведь, Русско-Византийская Комиссия отчасти уже объединяет, а по идее должна привлечь к своей работе всех работников в области византиноведения; и сама эта работа, с одной стороны, есть подведение итогов сделанному, если русскому византиноведению суждено

погибнуть, с другой стороны, она может явиться одним из наилучших средств к поддержанию и выявлению как силы научных традиций в России, так и новых научных задач и новых путей в разработке необозримого материала. Между тем круг лиц, способных работать в обоих направлениях крайне ограничен и в будущем станет не увеличиваться, а уменьшаться; и каждый не только год, а даже месяц жизни в современных условиях подтачивает энергию; энергию же и Комиссии, как целого, и членов ее подтачивает больше всего то, что труд ее пропадает даром: что не напечатано, то и не сделано.

Считаю своим долгом доложить, что далее так дело продолжаться не может.

Связывая свое имя с предприятием, столь ответственным и важным, я не могу к 80-му году жизни ставить себя в тяжелое положение человека, поддерживающего несбыточные надежды, и вместе с тем компрометировать Академию Наук в глазах западно-европейского ученого мира. Но, с другой стороны, следует обратить внимание Академии и на то, что прекращением существования Русско-Византийской Комиссии будет нанесен тяжкий удар той науке, создание которой в России и содействие укреплению ее в Европе составляют одну из важнейших и почетнейших заслуг Академии. И этого я никак не могу допустить потому, что имел счастье всю свою жизнь, в том числе несколько десятков лет пребывания членом Академии, посвятить на разработку истории Византии. Выход из трудного положения должен быть изыскан. Русско-Византийская Комиссия полна готовности работать и обнаруживает это внешним образом в стремлении усилить свою организованность избранием товарища Председателя и предоставлением своему Бюро редакционных полномочий. И я обращаюсь теперь с покорнейшей, но убедительной просьбой принять все меры к тому, чтобы данные в прошлом году не раз обещания относительно печатания трудов Комиссии были выполнены хотя бы в ограниченных размерах. В то время, когда в Европе выходят три новых специальных журнала (*Byzantium* в Брюсселе, *Bizanzio* в Риме, *Byz.-Neugr. Jahrbücher* в Берлине), не считая случайных работ по византиноведению в других повременных изданиях, у нас необходимо возобновить «Византийский Временник» хотя бы в виде десяти листов в год, посвященных специально работам по словарю. Если бы этот расход оказался превышающим средства Академии на текущий год, прошу возбудить перед Правительством особое ходатайство о дополнительном кредите, указав, что интересы науки, честь Академии, юбилей которой должен быть ознаменован не отступлением назад, а созидательной работой, наконец, слава России, как культурного государства, требуют экстренных мер для своей защиты».

Академия постановила принять это заявление к сведению при составлении издательского плана на 1925 г., но и этот год не принес желаемых результатов. Комиссии пришлось поэтому прибегнуть к разным способам для того, чтобы войти в соприкосновение с западными учеными кругами: 1) она просила своего Председателя дать сведения о византологических

занятиях в России и в частности о работе Комиссии в журнале *Byzantion* текст письма в *Byzantion* был прочитан акад. Ф. И. Успенским в заседании 23 января 1925 г. (выдержки из этого письма помещены в *Byzantion*, I, 745—746); 2) обсуждалось и встретило сочувствие предложение проф. В. Н. Бенешевича систематически помещать сведения о работах Комиссии в некоторых специальных журналах Запада (заседание 26 февраля 1925 г.), однако, твердого решения посылать их не состоялось; 3) одобрено 25 октября 1925 г. сообщение проф. В. Н. Бенешевича о возникновении и работе РВК, составленное по просьбе редакции *Byz. Ztschr.* (напечатано в т. XXV, за 1925 г., стр. 507—509). Но не встретило сочувствия (заседание 25 июня 1925 г.) предложение «Всесоюзного Общества Культурной Связи с Заграницей» (за № 2278 и № 2548, 1925 г.) выделить ответственного корреспондента, который бы информировал «Общество» о работе Комиссии, и присылать авторефераты о ненапечатанных трудах для помещения их в журнале «Общества».

Повторные ходатайства акад. Ф. И. Успенского и улучшение средств Академии привели, наконец, к тому, что Президиум Академии, вполне присоединяясь к желательности предоставить РВК двух платных сотрудников, поручил в апреле 1925 г. управляющему делами правления Академии иметь в виду эту надобность при разработке дополнительного штата АН. Что же касается печатания трудов РВК, то в издательский план на 1925/26 г. уже включено печатание семи листов по византиноведению и трех листов по словарию Дюканжа, что и будет осуществлено при условии отпуска испрошенной по издательской смете суммы. Первая половина сообщения об этом Непременного Секретаря АН от 14 апреля 1925 г. еще не нашла себе осуществления при состоявшемся осенью 1925 г. расширении штатов АН, зато вторая уже выполнена в виде XXIV т. «Византийского Временника».

Само собою разумеется, что указанные размеры ассигнований на печатание трудов РВК и на ведение всей ее работы далеко не соответствуют ни ее задачам, ни личному составу, потребному для их осуществления, ни размерам произведенной уже наличным составом работы.

В заявлении, представленном акад. Ф. И. Успенским в Президиум АН в марте 1926 г., мотивирована необходимость предоставления РВК трех платных сотрудников, из которых старший должен явиться ближайшим помощником Председателя по руководству всей работой РВК. А в интересах облегчения и укрепления самой этой работы акад. Ф. И. Успенским проектировано учреждение кабинета византиноведения, который бы служил и музеем русского византиноведения; эта мысль встречена сочувственно Общим Собранием 5 сентября 1925 г. и Президиумом 16 октября 1925 г.

Задачи, стоящие перед РВК согласно указаниям Академии, изложенным в докладах акад. Ф. И. Успенского, делятся на две группы: 1) изучение русско-византийских отношений в X и смежных веках, 2) подготовка материалов для переиздания *Glossarium graecitatis* Дюканжа. Для

разработки вопросов, входящих в каждую из основных задач, необходимо было бы образовывать особые подкомиссии или специальные отделы. Так и поступила еще Комиссия «Константин Порфирородный» по предложению акад. Ф. И. Успенского, в первом же заседании наметивши подкомиссии для изучения местностей, именно: 1) северного побережья Черного моря, 2) Кавказа, 3) Трапезунта, 4) Балканского полуострова, 5) Малой Азии и специальных вопросов, куда относятся: 1) изучение текста произведений Константина Порфирородного и связанных с ним, 2) названия Днепровских порогов, 3) топография Константина Порфирородного 4) церковные обряды, 5) центральное и провинциальное устройство Империи, а также и для выполнения своих основных заданий, таковы: 1) составление библиотеки по эпохе Константина Порфирородного, 2) составление библиографии о трудах Константина Порфирородного, 3) составление указателя имен, упоминаемых в трудах Константина Порфирородного.

Если бы РВК, как преемница Комиссии «Константин Порфирородный», остановилась только на этих задачах, то ясно, что начать осуществление их она смогла бы только объединив в общей работе всех русских византиноведов и при энергичном содействии исследователей славянства, эллинизма, христианского и мусульманского Востока. И действительно, на призыв РВК откликнулись почти все эллинисты в пределах СССР и некоторые ориенталисты и исследователи древне-русской истории и литературы, живущие в Ленинграде. Число членов РВК дошло до 40, но подкомиссия образована (11 мая 1925 г.) только одна: по изучению экономических связей древней Руси с Византией и Востоком, под председательством проф. В. Н. Бенешевича; кроме того, с 11 марта 1925 г. в РВК включена Академией Комиссия по изданию сочинений В. Г. Васильевского. Во главе РВК стоит Председатель (академик Ф. И. Успенский), товарищ Председателя (проф. В. Н. Бенешевич), выборный член (академик И. Ю. Крачковский) и секретарь (проф. И. И. Соколов), которые образуют Бюро или Президиум РВК. Отсутствие возможности членам Бюро всецело отдаваться работе по РВК в помощь Председателю ее, а также отсутствие технических вспомогательных сил и промежуточных органов в лице руководителей подкомиссий ставят Бюро не только в трудное, но подчас даже безвыходное положение, потому что РВК развила с самого начала очень интенсивную работу во исполнение обеих своих основных задач.

В области изучения русско-византийских отношений достаточно кратко отметить содержание представленных докладов в алфавитном порядке имен докладчиков.

1) Проф. Д. В. Айналов 25 июня 1925 г.: «О блюде княгини Ольги», где против тезисов проф. А. А. Дмитриевского (см. ниже) отстаивается точка зрения докладчика, высказанная им в статье: Примеч. к тексту книги «Паломник» Авт. Новгород. XIV в. (ЖМНП, 1908, № 11, стр. 90—102).

2) Проф. В. Н. Бенешевич: а) 27 марта 1924 г.: «Византийские таблицы о рангах по Клиторологии Филофея и иерусалимским спискам.» Докладчик проверил текст Клиторологии по фотографическим снимкам с Лейпцигского списка De Cerim. и воспользовался фотографическими снимками с иерусалимских списков патриаршего фонда № 39 («Тактикон» Михаила и Феодоры, изданн. Ф. И. Успенским в Известиях Р. А. И. в Константинополе, том III) и № 24 около половины X века, где между прочим наблюдается одна очень интересная особенность: на первом месте после царей стоит ὁ πάπας Ῥώμης, на втором — ὁ πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως, чему соответствует в De Cerim., 727: καὶ τὸν μὲν πρωτόκλητον φίλον πρὸς τὸ εὐώνυμον προτρέπεσθαι μέρος, ὅπως ἡ τῆς βασιλικῆς ἀξίας ἐπίδοσις εὐχερῆς τῷ πρωτοκλήτῳ γένηται φίλῳ, τὸν δὲ ἀπ' αὐτοῦ δεύτερον ἐν τοῖς δεξιοῖς προσκαλεῖσθαι καὶ λέγειν. ὁ πατριάρχης КП. На основании этих материалов дано новое и притом сводное издание разных видов таблицы о рангах с исследованием ряда вопросов, восполняющим и иногда исправляющим работу J. B. Burg, The Administr. System in the Ninth Century. Доклад отослан для напечатания в Byz.-Neugriech. Jahrbücher и появится в 1926 г.; отзыв. акад. Ф. И. Успенского в ИАН, 1924 г., № 12—18, стр. 640—641. б) 19 мая 1924 г.: «Следы утраченных произведений древности в слав. переводе статьи Кормчей книги вел. книжника Антиохийского о каландех, нонех и идех» (см. ИАН, 1924, № 12—18, стр. 648—649; напечат. в Byz. Ztschr., 1925, XXV, 310—312: Spuren der Werke des Ägypters Rhetorios, des Livius Andronicus und des Ovidius in altslavischer Übersetzung). в) 31 октября 1925 г.: «Вазелонский кодекс Госуд. Публ. Библиотеки», исследование порядка и состава актов в рукописи греч. № 743, подготовляемых к изданию акад. Ф. И. Успенским и докладчиком. д) 25 сентября 1925 г.: «Автокефальные церкви греческого Востока по рукописи Госуд. Публ. Библ. греч. № 716», о подготовленных к печати списках епископий, особенно патриархатов Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, для которых указаны и границы митрополичьих округов. е) 13 мая 1926 г. сообщение о некоторых новых работах: А. Heisenberg (Das Problem der Renaissance in Byzanz), Ф. Κουκουλέ, Δ. Πετρακάκος и др.

3) Проф. А. А. Дмитриевский: а) 19 мая 1924 г. «О неудовлетворительности издания текстов в Евхологии Гоара» (см. ИАН, 1924 г., № 12—18, стр. 648—649); б) 14 мая 1925 г.: «Блюдо кн. Ольги в храме св. Софии». Вопреки доводам проф. Д. В. Анайлова (см. выше) докладчик считает это блюдо не дискомом, а антидотным или артосным; в) 21 января и 25 февраля 1926 г.: «Византист XVII века Яков Гоар». На основании очень интересной переписки Гоара с учеными его современниками, предоставленной в распоряжение докладчика акад. Н. П. Лихачевым из его Музея (ныне Музей Палеографии Академии Наук), дана широкая картина деятельности Гоара на фоне развития византийских штудий во Франции в XVII веке, и выяснены причины неудовлетворительности издания текстов в Евхологии.

4) А. П. Смирнов 25 июня 1925 г.: «Что такое скаралик. К вопросу об одной спорной части византийского придворного облачения эпохи Палеологов»; докладчик указал, что под *σκαρίκιον* надо понимать не одежду, а головной убор; доклад отослан для напечатания в *Byzantion*, 1925 г. t. II.

5) Академик Ф. И. Успенский: а) 25 сентября 1925 г.: «Литературная деятельность Константина Порфирородного»; б) 30 мая 1925 г.: «Магистр Косьма, парическое право»; здесь дан анализ двух *ψῆφοι* Косьмы, изд. у Leunclav. JGR, II 166—167. в) 10 декабря 1925 г.: «Центробежные и центростремительные силы в Византии в начале XIII века», где изложены влияния как обусловившие катастрофу 1204 г., так и сохранившие империю от полной гибели. д) 1 апреля 1926 г.: «Когда и кем построен город Превеза (между Эпиром и Акарнанией)?»

6) М. А. Шангин 13 мая 1926 г.: «Поэма Иоанна Каматира о круге зодиака» (по рукописи АН).

В подкомиссии по изучению экономических связей древней Руси с Византией и Востоком поставлены на первое место два вопроса: 1) исследование договоров Руси с греками в X веке, 2) собрание и обследование известий восточных писателей IX—XIII вв. о Руси, славянах, болгарях, хазарах и о территории ими занимаемой. Для первого вопроса предприняты шаги для первого научного издания договоров: согласно указаниям проф. М. Д. Приселкова сфотографирован текст договоров по 10 особо характерным летописным спискам, приступлено к составлению указателя всех слов в договорах (А. Н. Насоновым и А. А. Степановым), начат критико-библиографический обзор научной литературы о договорах в докладах А. А. Лященко (о статье академика В. Н. Истрина, в ИОРЯС, 1924 г., XXIX, 383—393), И. Ю. Маркона (о работах Г. В. Бараца), В. М. Бузни (о взглядах В. И. Сергеевича), А. Ф. Вишняковой (о книге Н. Лавровского, О визант. элем. в договорах), и готовится ряд докладов В. А. Брима, Л. П. Якубинского и других об именах русских послов, упоминаемых в договорах; подготовка текста договоров для издания возложена на В. Н. Бенешевича. Над текстами же арабских писателей начата работа А. Г. Якубовским, который 19 февраля 1926 г. уже сообщил о сведениях, даваемых Ибн-Мискавейхом о походе русских на Бердаа (см. выше); впоследствии трудами докладчика составит полный свод материала, находящегося у арабских и персидских географов, причем работе обеспечено содействие академиков В. В. Бартольда и И. Ю. Крачковского. 17 мая 1926 г. А. Г. Якубовским прочитан доклад: «Торговые пути и торговые центры, соединяющие вост. Европу с Кавказом, Ср. Азией и Персией»; приложенная к докладу карта путей чрезвычайно оживила изложение. 9 июня состоялся доклад В. А. Брима: «Торговые пути руссов на Волгу».

В работе по подготовке переиздания словаря Дюканжа была проявлена достаточная энергия. Члены РВК заняты были собиранием и обработкой материала для отдельных слов: *καπάλιον*, *καπαλικὸς*, *καπαλὸς* (Ф. И. Успенский, 15 октября 1923 г.), *ὑποταγή* и *τελεσμός* (Ф. И. Успен-

ский, 19 мая 1924 г. см. ИАН, 1924 г., № 12—18, стр. 648—649), *ἔρανος*, *Βορδόνη*, *μυτιχαριώνη*, *κατωτικὸς*, *καστρηνοί* (Ф. И. Успенский, 9 октября 1924 г.), терминология из *Ἐπαρχικὸν βιβλίον* (Ф. И. Успенский, 9 апреля 1925 г.), терминология из *ψῆφοι* Космы Магистра (Ф. И. Успенский, 30 мая 1925 г.), *ταβλίον* и *ὁ ἅγιος φοῦρνος* (А. А. Дмитриевский, 9 апреля 1925 г.), греческие глоссы в еврейской письменности (И. Ю. Марков, 31 октября 1925 г.), *Σύροι* и *Ἀσσύριοι* (В. Е. Вальденберг, 19 мая 1924 г.), *ταξίαρχης*, *μονοκράτωρ* (В. Е. Вальденберг, 19 ноября 1923 г.), заимствования из коптского в греч. (П. В. Ернштедт, 20 ноября 1924 г.), слово *σκάτζυ* в 31-м чуде св. Артемия (П. В. Ернштедт, 30 мая 1925 г.), *σχολαστικὸς* (В. Н. Бенешевич, 19 ноября 1923 г.).

Опыт работы над собранием словарного материала был по поручению РВК от 30 мая 1925 г. суммирован в ряде положений той же подкомиссией (В. Н. Бенешевич, С. А. Жебелев, А. И. Малеин), которой еще в 1923 г. поручено было выработать форму карточки (см. выше стр. 4); ею были приняты во внимание и все те указания, которые в условиях работы РВК могли быть заимствованы из практики работы над *Dictionnaire du latin médiéval* и Афинским *Λεξικόν*. 25 июня 1925 г. РВК одобрила и приняла к руководству выработанные подкомиссией следующие:

П Р А В И Л А

составления карточек для переиздания греческого словаря Дюканжа и для исторического словаря лиц и мест Византийской империи и прилежащих к ней стран.

1) Бюро Комиссии указывает сотруднику издание, по которому должна производиться работа, и сокращенное обозначение, под которым эксперируемый текст должен появиться в словаре.

2) Сотрудник сдает карточки расположенными в том порядке, как он производил свою работу.

3) Работа может производиться двумя путями:

а) путем сплошного чтения текста с первой страницы до последней, и тогда карточки располагаются в порядке страниц;

б) путем использования указателей к тексту, из которого и выписываются имена термины согласно даваемым в указателях ссылкам; тогда карточки располагаются в алфавитном порядке принятых во внимание имен терминов.

4) Более соответствующим интересам дела представляется первый порядок, в особенности, если сделана проверка полноты и точности работы по указателю. Но и второй порядок работы имеет свои выгоды. Желательность того или другого для каждого текста определяется Бюро Комиссии.

5) Работа сдается в Бюро Комиссии по мере ее производства, с указанием при каждой присылке количества карточек, начальной и конечной карточки в сдаваемой части, времени сдачи, имени и адреса сотрудника.

Вся корреспонденция по работе адресуется на имя Русско-Визант. Ист.-Слов. Комиссии Академии Наук СССР, Председателю Комиссии и оплата почтовым сбором не подлежит.

6) Форма карточки должна быть точно соблюдается:

а) цвет бумаги — белый;

б) бумага должна быть чистой с обеих сторон;

в) формат — половина четвертушки писчего листа;

г) текст пишется только на одной стороне, а если не умещается, то переносится на другую карточку (в верхнем углу слева таким карточкам дается нумерация);

д) строки записи должны идти параллельно длинной стороне карточки;

е) в верхнем углу слева пишется то слово, к которому относится карточка, при чем существительные и прилагательные ставятся в именительном падеже, глаголы в неопределенном наклонении;

ж) если это слово имеет разные оттенки значения, то под ним присоединяется по русски или по латыни указание на то значение, которое имеется в виду для данного места;

з) сначала пишется выдержка из текста, а под нею условное обозначение заглавия самого эксцерпируемого текста с указанием страницы и строк, а в скобках также книги и главы и §;

и) в выдержке из текста основное слово выделяется подчеркиванием;

й) почерк — четкий.

7) Содержание и объем выдержки должны быть таковы, чтобы значение термина определялось для данного места точно, ясно и полно.

8) Указания на время и место употребления термина, почерпаемые из самого текста памятника (напр. в летописях, записях, надписях и т. д.), должны быть отмечаемы при выдержке.

9) Когда выписка делается для именослова, то она должна давать все, что из данного места можно почерпнуть для характеристики лица (или местности) и для приурочения его к времени и месту. В верхнем углу слева пишется имя, к которому относится выдержка.

10) Когда эксцерпируются труды ученых, то слева в верхнем углу пишется слово, а выдержка должна содержать мнение ученого о значении термина или о собственном имени, выраженное по возможности его собственными словами, с указанием, от кого и в чем оно, по словам самого автора, отступает; в случае же согласия его с предшественниками необходимо привести указание его на них.

11) На каждой карточке должны быть только один термин (или одно собственное имя) в верхнем углу ее и только одна выдержка из источника или ученого труда, к нему относящаяся.

12) Всякого рода догадки и дополнения сотрудника относительно основного слова, не содержащиеся непосредственно в самой выписке, должны быть выделены прямыми скобками и другими способами во избежание искажения текста памятника.

13) При экскерпировании не-греческих текстов следует ставить в верхнем углу слева греческий термин или имя, а экскерпт из не-греческого текста приводить согласно указаниям в §§ 7—12, но с следующими добавлениями:

а) в верхнем углу слева рядом с греческим словом присоединять со знаком равенства (=) перевод или транскрипцию на языке памятника;

б) если экскерпируется памятник переводный с греческого, то указывается соответствующее экскерпту место в оригинале, однако, без приведения последнего целиком, но в скобках дается только греческая форма термина или имени для данного экскерпта;

в) экскерпты из не-переводных с греческих памятников, написанных на языках не-европейских, сопровождаются переводом на один из европейских языков.

14) Исчерпать весь нужный для основной цели материал из каждого памятника представляется делом необходимым, но чрезвычайно трудным и даже не исполнимым для отдельного сотрудника. Поэтому все усилия Бюро и сотрудников должны быть направлены к точному и полному учету производимой каждым сотрудником работы и к строгому соблюдению единообразия в самой работе согласно изложенным выше указаниям и прилагаемым образцам.

15) Особо должны быть отмечаемы памятники и ученые труды, где совершенно отсутствуют материалы для того или другого словаря, хотя другие труды того же древнего или нового автора и входят в круг Византийской истории.

16) Работа, начатая до получения настоящих указаний, должна быть приведена в полное согласие с ними через сообщение сотрудником в Бюро принятых им сокращений и издания текста (§ 1), соблюдение формы карточки (§ 6) и так далее. Все, могущее оказаться не под силу сотруднику, выполняется силами Бюро, которому сотрудник точно сообщает все мельчайшие недочеты своей работы.

17) Недоразумения, возникающие при работе, разрешаются Бюро Комиссии, которая для облегчения и ускорения справок может указать каждому иногороднему сотруднику ближайшего к нему своего представителя, объединяющего и направляющего работу в тесном контакте с Бюро.

18) Основная и единственная задача сотрудника — точное, полное и ясное восприятие и перенесение на карточки содержания лежащего перед ним текста. Никакой исследовательской или справочной работой затруднять себя при этом не следует, и стремление к ней должно считаться одним из верных признаков наличия недоразумения.

μόρτη = десятина.

Μόρτη или мортѣ, по точному определению самого Землед. устава, есть арендная плата крестьянина, сидящего на чужой земле и обязанного, по условиям аренды, отдавать землевладельцу десятый сноп своей жатвы. В том же смысле μόρτη употребляется и в позднейших юридических актах Византийской империи: см. *Mich. et Müller, Acta mon.*, I 419—420. Таким образом русский переводчик назвав византийскую морту десятиною, совершенно правильно передал подлинное значение этого термина.

Павлов, Кн. Зак., 20—21.

Формат карточки (§ 6 в) и образец заполнения по § 10.

Κοσμᾶς
patriarcha Alex.

Τῷ δ' αὐτῷ Κοσμᾶς ὁ πατριάρχης Ἀλεξανδρείας ὀρθοδόξησε σὺν τῇ πόλει αὐτοῦ ἐκ τῆς τῶν Μονοθελητῶν κακοδοξίας, κρατησάσης ἀπὸ Κύρου, τοῦ ἐπὶ Ἡρακλείου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας.

Theoph. 416, 13—16, a. 6234.

Образец заполнения по § 6, 7, 8, 9.

δημοκρατία = vulgare imperium.

Stauracius..... imperium uxori acquirere festinabat aut vulgare imperium (δημοκρατίαν) excitare in christianos.

Anast. chron. trip. 331, 8—9, a. 6303.

Образец заполнения по § 13, а, б, и 8.

Почти одновременно с появлением «Правил» и даже в нескольких случаях до появления их РВК произвела распределение материала между сотрудниками в трех направлениях:

1) Из трудов русских византинистов должны быть извлечены данные ими толкования терминов и объяснения слов; для этой цели поручено пересмотреть акад. Ф. И. Успенскому сочинения его собственные, В. Г. Васильевского, Г. С. Дестуниса, П. В. Безобразова и Б. А. Панченко; проф. Д. В. Айналову и проф. Л. А. Мацулевичу — Н. П. Кондакова, Ф. И. Буслаева, Я. И. Смирнова, гр. А. С. Уварова и Д. В. Айналова; проф. В. Н. Бенешевичу — А. И. Пападопуло-Керамевса, Н. А. Скабала-лановича, Н. С. Суворова, А. С. Павлова и В. Н. Бенешевича; проф. А. И. Бриллиантову — В. В. Болотова; проф. В. Е. Вальденбергу — В. Г. Васильевского (по правовым вопросам); проф. А. А. Дмитриевскому — собственные труды; проф. П. В. Ернштедту — В. К. Ернштедта; проф.

С. А. Жебелеву — П. В. Никитина и Д. Ф. Беляева; проф. Е. А. Загоровскому (Одесса) — Бруна, Мурзакевича и Юргевича; акад. В. М. Истрину — собственные труды; проф. И. А. Карабинову — Н. В. Красносельцева, И. Д. Мансветова и И. А. Карабинова; акад. Н. П. Лихачеву — собственные сочинения по страгистике; проф. Н. В. Малицкому — Н. В. Покровского; проф. В. Э. Регелю — собственные труды; проф. Ф. М. Россейкину — Е. Е. Голубинского; проф. И. И. Соколову — И. Е. Троицкого и Ф. А. Курганова; проф. Н. Н. Томасову — В. В. Латышева; проф. Д. П. Шестакову (Владивосток) — Х. М. Лопарева.

2) Поручено выбрать материал для имен и терминов из следующих византийских текстов: проф. В. Е. Вальденбергу — *Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus*; проф. Б. В. Варнеке (Одесса) — история Михаила Пселла и *Acta et dipl. gr. medii aevi ed. Micl. et Müller* том VI; проф. А. П. Дьяконову (Пермь) — Церк. История Иоанна Ефесского; проф. Ю. А. Иванову (Саратов) — Никифор Вриенний; проф. И. Ю. Маркону — греческие термины в средневек. еврейских текстах; проф. Н. И. Новосадскому — Прокопий Кесар. *De bellis*; Б. К. Ордину — Георгия Акрополита *χρονική συγγραφή* и Г. Пахимер; проф. Н. Н. Пальмову (Астрахань) — Лев Диакон; А. А. Петрову — *Incerti scriptoris Byzant. saec. X liber de re militari recens. R. Vári*; П. Г. Преображенскому (Москва) — хроника Феофана; Е. Ч. Скржинской — греч. документы южн. Италии в изд. Trinchera, Spata и Cusa; А. П. Смирнову — тексты, изд. H. Delehaeye, *Deux typica byzantins de l'époque des Paléologues* (Вгук., 1921); проф. Е. А. Черноусову (Ростов на Дону) — Евстафий Солунский, О взятии Солуни; проф. С. П. Шестакову (Казань) — Никита Аком.; Влад. Бор. Шкловскому — Агафий Схол.

3) Поручено выбрать визант. термины худож. техники и искусства из русских летописей (по Лавр. и Ипат. спискам) проф. Н. П. Сычеву.

Уже исполнена работа Б. К. Ординым над Г. Акрополитом целиком и над частью Г. Пахимера, проф. С. П. Шестаковым над Н. Хониатом и проф. Н. И. Новосадским над частью Прокопия.

Отсутствие необходимых книг и трудные условия жизни очень замедлили работу некоторых сотрудников, и президиуму РВК приходилось прибегать иногда к экстренным мерам помощи.

Для облегчения сношений и установления более тесной связи с сотрудниками намечены местные представители РВК в Москве, Казани и Одессе.

Даже кратковременный опыт показал, однако, что ни печатные «Правила», ни деловая переписка, ни посредничество отдельных лиц не могут иметь подлежащего действия, пока не существует ни соответственного печатного органа для обмена мнений, ни непосредственного общения между собратями по специальности в СССР и заграницей. В прежнее время византинисты имели возможность узнать и друг друга и специалистов в родственных им областях науки как на различных археологических съездах, так и в обществах, объединявших ученых мир всей России. Может быть, и ныне одним из ближайших шагов на пути сохра-

нения и укрепления византиноведения и одним из вернейшим средств для объединения на почве общей работы следовало бы считать съезд византиноведов СССР. Этот съезд сил желательно произвести и в виде экстренной меры, вызываемой опасениями за судьбу русского византиноведения, но также и для подведения итогов развития его с XVIII века и для выяснения новых задач его и средств для их выполнения в связи с успехами востоковедения, папирологии и описания ряда богатейших рукописных фондов.

Возобновление «Виз. Временника» окажет, конечно, благотворное действие в смысле объединения и оживления русского византиноведения в пределах СССР; в том же направлении будут влиять и несколько налаживающиеся с 1925 г. правильные сношения с заграницей; а неизменное внимание АН к РВК открывает перспективы укрепления и развития работы РВК. Можно поэтому надеяться, что уже в одном из ближайших переизданий *Geschichte der Philologie* (Berlin, 1921) Нестор классической филологии Wilamowitz-Möllendorf несколько изменит безнадежный тон своей заметки на стр. 27: *Längst ist die Erneuerung dieser Werke* (обоих глоссариев Дюканжа) *ein dringender Wunsch, wird aber wohl noch lange ein frommer Wunsch bleiben.*

В. Бенешевич.

Καπάλιον.

Вопросы, стоящие в связи с экономическим, социальным и податным состоянием, до сих пор мало разработаны. Всякая новая попытка в этом отношении, при всей ее заманчивости и оригинальности, сопряжена с опасностью подвергнуться упрекам или в недоказанности, или в односторонности. Но было бы малодушием отказываться от мысли, что не понятые доселе термины навсегда останутся загадочными. На этот раз предполагаем остановить внимание на давно уже известном специалистам Сумелийском хризовуле от 1364 г.,¹ в котором в числе других милостей царь Алексей принимает на казенный счет ежегодные расходы на сторожевую службу монастыря, причем в акте употреблено выражение, возбуждающее, как ниже увидим, большой интерес именно в применении к административной и, в частности, податной системе. Место это в переводе значит: «Из капалия Дуверы жертвуется 200 аспров на охрану крепости и еще из того же капалия 300 аспров».² Ниже в том же акте (р. 280), сказав об освобождении записанных за монастырь крестьян (париков) от всяких казенных обложений, делает исключение лишь в пользу подати капалия, взимаемой дважды в год; от взноса той же подати не освобождаются

¹ Miklosich et Müller, *Acta patriarchatus Constantinopolitani*, V. p. 276.

² Ἀπεχάρισθη καὶ ἀπὸ τοῦ καπαλίου τῆς Δουβερᾶς ἄσπρα διακόσια, καὶ πάλιν ἀπ' αὐτοῦ τοῦ καπαλίου ἑτέρα ἄσπρα τριακόσια πρὸς τὴν τοῦ κάστρου φύλαξιν.